

Матвей Хромченко

Солист Большого театра

Матвей Хромченко
Солист Большого театра

«Спорт»

2016

ББК 85.335.42

Хромченко М.

Солист Большого театра / М. Хромченко — «Спорт», 2016

ISBN 978-5-906131-95-9

Жизнь С. М. Хромченко, рожденного в начале прошлого века, а умершего в начале века нынешнего – это история о том, как юный провинциал, проникшись ниспосланным ему свыше даром, преданно служил ему до последних лет долгой жизни. В не меньшей степени это история жизни его коллег по искусству, прежде всего, по Большому театру.

ББК 85.335.42

ISBN 978-5-906131-95-9

© Хромченко М., 2016

© Спорт, 2016

Содержание

Благословенна будь, земля украинская!	7
Московская прелюдия	22
Дар небесный	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Матвей Хромченко

Солист Большого театра

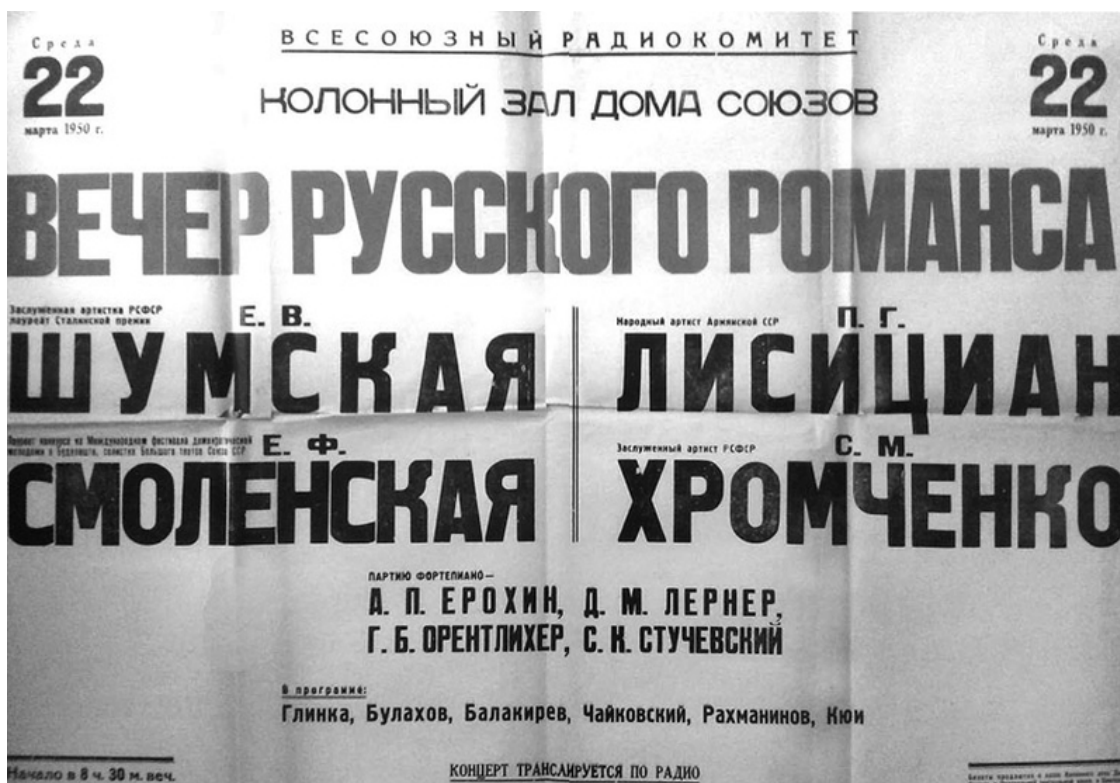
Мой отец на фоне эпохи: *воспоминания и комментарии*

Моим внукам Марии и Матвею

«Каждому человеку предначертано судьбой задача его жизни».
Альберт Швейцер

«Судьба любого человека, как бы длинна и сложна она ни была, на деле заключается в одном-единственном мгновении – в том мгновении, когда человек раз и навсегда узнаёт, кто он».
Хорхе Луис Борхес

«Цель жизни не заключается в том, чтобы стать знаменитым и состоятельным. Ты рождаешься на свет для того, чтобы сделать своё дело, и сделать его хорошо, каково бы ни было твоё место в мире».
Фритьоф Нансен

Я начинал писать этот текст как письма моим внукам – внучка уже была, внук был «на подходе». Хотел рассказать им об истории семьи, хотя бы о том немногом, что знал, потому что расспрашивать начал слишком поздно, когда отец уже многое забыл, а мама не видела в своей юности ничего для меня значимого. Заполнить лакуны знания мне помогли сотрудники музеев и архивов, много неожиданного я нашёл у авторов Интернета. И по мере приближения к

финалу я понял, что рассказываю о «жизни и судьбе» не только моей семьи, а широкого социального слоя поколения, рождённого в царской России и большую часть жизни прожившего в Советском Союзе. Что может быть интересным не только моим внукам, на что я очень надеюсь.

Благословенна будь, земля украинская!

В прошлом веке Украина подарила Советскому Союзу и миру много известных музыкантов – инструменталистов, композиторов, дирижёров, вокалистов, одним из них был мой отец Соломон Хромченко, уроженец Златополя, местечка (городка) Чигиринского уезда Киевской губернии, двести вёрст к юго-востоку от Киева.

Происхождение фамилии неизвестно. Поначалу я предположил, что предок был сапожником, тачал хромовые сапоги и в каком-то поколении к «хром» добавилось украинское «енко». Впрочем, окончание оказалось не только украинским: в XIX веке в Российско-Американской компании служил дворянин из Кронштадта, «замечательный русский мореплаватель Василий Степанович Хромченко» (из статьи А. Бурькина в неизвестном мне журнале, вырезку мне прислала тбилисская кузина). Произведенный за заслуги в капитан-лейтенанты, он прославил «нашу» фамилию 25-ю плаваниями, из них три были кругосветными, а его имя носит один из двух островов Святого Лаврентия.

Затем я узнал, что есть и другие версии, более, как сказал бы любитель научности, фундированные, одна – основанная на какой-либо выделяющей человека особенности. В таком повороте первым носителем фамилии с тем же окончанием предполагается сын хромавшего отца, соседями прозванного хромцом. Хотя по мне хромал или сапоги тачал – не всё ли равно, второе даже симпатичнее: по делу прозвали, а не по физическому дефекту.

Другая, романтически генеалогическая версия относит нас к далёкой древности: фамилия Хромченко образована от мужского имени... прародителя одного из колен Израилевых – Эфраима, сына патриарха Иосифа. Во как!

И чего представить не мог: происхождением фамилий интересовались специалисты в области... популяционной генетики! Их исследования показали, что среди евреев количество однофамильцев минимально, из чего в частности следует, что большинство Хромченко связаны между собой родственными узами. Иными словами, составляют род, причём его основатели и потомки – кто-то даже умудрился подсчитать: 1108 человек!.. – в разные времена, начиная с XVIII века, жили в Англии, Шотландии (никто не доплыл до США?) и Российской империи, более всего в Украине. Из десятков местечек и городков – штетл (в переводе с идиша) выделю уездный центр Херсонской губернии Елисаветград, уездный Чигирин и Златополь.

В него и возвращаемся.

Не безвестный, со своей историей, он упомянут в словаре Брокгауза и Ефрона 1890–1907 гг.: помимо наличия фабрик и заводов – паровая мельница, маслобойня и др., автор статьи выделил как для того времени важные события ярмарки дважды в год и каждый две недели базары. Владел всем этим с окружавшими местечко сёлами граф Лопухин, а его дети занимались здесь культурно-просветительской деятельностью.

По последней в империи переписи 1897-го года в Златополе было насчитано 11400 душ – украинцы, русские, поляки, евреи (больше половины – 6373), все молились своим богам – в церкви, синагоге, костёле, сюда слушать орган приводила детей моя бабушка, его звучание отец помнил до последних лет.

В начале прошлого века этот городок с гимназией и женской прогимназией, частными и министерским училищами, хедерами, книжным магазином, больницей (врач, акушерка, фельдшер) и благотворительными обществами был известным далеко за его пределами культурным центром. На организуемые балы – с единственным в округе роялем! – приезжали не только из Чигирин и Елисаветграда, но за сотню вёрст из Черкасс. Здесь выступали популярные артисты, например, Александр Вергинский, отец запомнил исполняемый им романс «Ну, погоди, ну, погоди минуточку»...

В златопольской гимназии преподавали замечательные педагоги: композитор Борис Лятошинский, поэт Николай Зеров, историк Григорий Грушевский. Её выпускники – одним из них был будущий академик, нобелевский лауреат Игорь Тамм, – поступали в Киевский университет Святого Владимира, поэтому сюда отдавали своих отпрысков даже окрестные дворяне. В ней экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости и был принят на юридический факультет университета сын крестьянина-батрака писатель и художник Владимир Винниченко, будущий глава правительства Украинской народной республики (1918 г.).

Здание гимназии

Сохранившийся памятник архитектуры – образец здания провинциальных учебных заведений, был построен по проекту архитектора Абрама Архипова на деньги меценатов, сахарозаводчика Лазаря Бродского (четверть производства сахара в империи), уроженца Златополя, и его компаньона по «окультуриванию» Златополя крупного землевладельца Митрофана Цветкова. Но в 1920-м саму гимназию, славную своей 84-летней историей, ликвидировали, надо полагать, за ненадобностью. Куда больше новую власть интересовало количество земли – пахотной, усадебной, под выпас, – и скота, в справке подсчитано до единиц – лошадей 94, коров 101, овец 2, свиней 29...

В Златополе прожили детство оставившие заметный след в культуре страны заслуженный артист императорских театров, после Октября-17 народный артист республики Владимир Давыдов, писатель/поэт Юрий Мокриев, филолог Арон Тростянецкий, кинорежиссёр Яков Базелян. Здесь у сбежавшего от итальянской междоусобицы синьора родились братья Иосиф

и Александр Поджио, будущие декабристы, польская художница Анна Билинская, еврейская анархистка Милли Виткоп-Рокер, уехавшая в США. Здесь генетические корни рода литератора Бенедикта Сарнова и не только его.

Чтобы на свет Божий явился мой отец, судьба предписала породнить обитавшие на Гимназической улице семьи Ханины (Анания) Хромченко, отца четырёх сыновей, и жившего рядом Иосифа (Осипа) Лысянского, отца пяти дочерей и их младшего брата. Сосед владел большим домом в окружении большого сада с фруктовыми деревьями (рвать яблоки сюда однажды проберётся младший внук с друзьями-сорванцами, дед его застукнет и отгаскает за уши), одной из примет его состоятельности было пианино, на нём играла старшая дочь Ента (Анна), музыкально одарённая и по тем временам вполне образованная девушка.

Ханина Хромченко

Фотопортрета другого моего прадеда, Лысянского, в отцовском архиве не оказалось. Но куда хуже, что, как и большинство моих сверстников, я рос типичным советским манкуртом, без интереса к истории семьи, и единственное, что меня хоть как-то извиняет, это то, что ни родители,

ни бабушка (дочь Лысянского) сами ничего мне о семейной истории не рассказывали. Как и большинство других бабушек-дедушек и родителей того поколения – боялись, чтобы дети во дворе или в школе не сболтнули чего лишнего!.. При всём том родни было много – дяди, двоюродные сёстры, племянницы и племянники Соломона Хромченко жили в Киеве, Ленинграде, Тбилиси, Свердловске, Москве, Подмосковье, но когда я спохватился узнать, кто кому и откуда приходится, было уже поздно.

Мой дед Матвей Хромченко

Как-то летом, а с весны и до глубокой осени окна в доме были распахнуты настежь, её игру и пение услышал проходящий мимо ксендз, постучался, прадед, открыв дверь, его приходу удивился, спросил, в чём дело?

– Я услышал, как замечательно поёт ваша девочка.

– У меня девочек нет, есть только девицы.

– Можно познакомиться с той, чей голос я только что слышал?

Дед позвал Анну, она что-то спела, восхитившись, ксендз посоветовал деду отправить её для профессионального образования в Польшу, даже деньгами готов был ссудить. Лысянский за высокую оценку вокальных достоинств дочери поблагодарил, но расстаться с ней не пожелал, да и учиться еврейской девушке на польские деньги счёл кощунством: пусть лучше готовится стать матерью его внуков, коими она его, став женой Матвея Хромченко, и одарила – Софьей, Наумом и Соломоном.

Анна ещё не Хромченко – Лысянская, 1901 г.

У Матвея, управляющего на мельнице, денег всегда было в обрез, но для детей, когда подросли, пригласил учителя музыки. Вскоре в местечке прослышали о музицирующей семье и стали приглашать в любительские концерты, на которых мать с дочерью аккомпанировали поющему младшему Соломону и чуть позже начавшему звучать Науму.

Ещё через несколько лет уже сама Анна пригласила местную вокальную знаменитость послушать её младшего. Мэтр Рабинович пропел первую фразу песни Индийского гостя из оперы Римского-Корсакова «Садко», мальчик её интонационно точно воспроизвёл, затем спел «Дывлюсь я на небо» и «Ниченька ясная». Изумившись, гость предрёк – мальчику суждено прославить фамилию¹ – и посоветовал деду показать внука профессиональному педагогу. Проникшись, Матвей поскрёб по сусекам и таки отправил жену с сыном в Одессу к бывшему кумиру тамошних меломанов и воспитателю многих известных певцов, обрусевшему итальянцу Дельфино Менотти.

Сидя у итальянца на коленях, Соломон спел неаполитанскую песню «Как ярко светит после бури солнце» и «Быстры как волны дни нашей жизни», от предложения спеть что-нибудь ещё отказался, объяснив тем, что сидя ему трудно держать дыхание, чем очень маэстро развеселил: надо же, в десять лет рассуждает о дыхании! После чего велел открыть рот, всматривался в горло, надавливал на шею, велел тянуть разные гласные, после чего вынес вердикт: голос у мальчика есть, это дар свыше, его надо беречь! А посему петь ему можно ещё годика два, а потом до 16-17-ти лет – пока его высокий альт не наполнится золотом прекрасного тенора – молчать, что для подростка было каторгой: он рта не закрывал!

Но «случились» мировая война, Октябрь-17, война гражданская, страсти в местечке накалялись, на исходе второго петлюровского года выплеснувшись присущей империи тривиальностью – еврейским погромом². Однако пронесло: Матвея в местечке уважали за доброту, честность в делах и справедливость в решении соседских конфликтов, а потому кто-то ночью прокрался к нему и предупредил. Дед спрятал семью в хлебах, а когда погромная волна спала, вывез в Одессу.

Здесь-то Соломон Хромченко и начал свой многолетний певческий труд: приютивший беглецов набожный еврей, услышав, как звучит голос мальчика, отвёл его с согласия деда к знаменитому в городе кантору синагогального хора Штейнбергу:

– Этот высокий чернобородый красавец, – вспоминал спустя десятилетия отец, – меня так полюбил, что даже сольные партии доверял.

Так малолетний мэшбёрэр – певчий в синагоге, получая в оплату своего труда муку, крупы, рыбные консервы, иногда сахар и, непременно, мацу, стал едва ли не главным кормильцем сестры, брата и родителей.

---

¹ Но не предугадал, что вскоре после второй мировой войны Златополь станет украинской Атлантидой, только не под воду ушедшей: о бесследно растворившемся в соседнем Новомиргороде городке напоминает только название бульвара – Златопольский. Исчезли и довоенные, и послевоенные архивы, в том числе краеведческого музея, куда отец по просьбе организаторов отправил автобиографию и фото в ролях, о чём я узнал из ответа на мой запрос директора музея уже новомиргородского, созданного... в 2003-м году. При всём том я хочу поблагодарить председателя городской администрации О. Сенченко за внимание к просьбе о разыскании интересующих документов: моё письмо с вопросами он отправил в новомиргородский краеведческий музей, в архивные отделы администрации, регионального развития, городского строительства и др.

² Организовал его... гимназический учитель русской истории Войнов: страна должна знать своих героев. А с тем, что не успели доделать местные патриоты, справились гитлеровцы, уничтожив всех евреев, кто не успел уйти с Красной Армией. Как ни удивительно, сегодня из трёх когда-то больших кладбищ, русского, польского и еврейского, от двух первых почти не осталось следов, и только еврейское в пристойном состоянии – значит, кто-то его обихаживает (Геннадий Рыбаченко, Интернет).

А потому школу закончить ему не довелось. В Златополе ходил только в подготовительный к поступлению в гимназию класс: нанятому для подготовки к приёмному экзамену учителю дед заплатил 75 рублей, огромную по тем временам сумму. Впрочем, и одного года хватило, чтобы научиться читать и без особых ошибок писать. В Одессе было не до учёбы, в Киеве он пару лет посещал хедер, умел ли читать и писать на идише, я не знаю, говорил на нём редко, разве что когда ему с мамой надо было поговорить не для моих ушей.

Через три года друзья деда нашли ему работу в Киеве мелким банковским служащим, семья перебралась в украинскую столицу, поселилась в подвале большого дома на окраине города, потом нашли квартиру в центре, на 4-й Паньковской (куда меня в своё время привезли из роддома на Подоле).

В украинской столице у братьев появилась возможность нормально учиться, оба предпочли музыкальное образование. Наум занимался у профессора Михаила Энгель-Крона, преподававшего в Высшем музыкально-драматическом институте им. Николая Лысенко, поначалу приватно, затем был принят в его класс в музыкальном техникуме (музыкально-профессиональной школе) при институте. Тогда же привёл к нему и брата, но маэстро от занятий с Соломоном отказался: понимаете, молодой человек, петь хотят все, но чтобы стать профессиональным певцом, требуются особые данные, вполне возможно, что они у вас есть, но ещё чётко не проявились, однако вы ещё молоды и пока можете приобрести другую специальность.

М. М. Энгель-Крон в роли Князя Игоря (из коллекции фотобанка «Лори»)

Уроженец Москвы (1873 г.), отец виолончелист, мать драматическая актриса, бабушка актриса Малого театра, окончил юридический факультет Московского университета, тогда же обучаясь вокалу в музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества. Его бас-баритон звучал в оперных театрах Киева, Тифлиса, Баку, Харькова – Руслан, Валентин, Мефистофель, князь Игорь, его партнёрами были Энрико Джиралдоне, Мария Турчанинова и Федор Шаляпин. Завершив певческую карьеру, преподавал в Екатеринославе, Киеве, Свердловске.

А специальностей, точнее, обязанностей у кандидата в члены ВЛКСМ с двухлетним испытательным сроком и члена профсоюза «Пищевик» было по макушку. Он развозил по республике газеты-журналы общества «Катан», что было небезопасно: однажды в Харькове хотели, угрожая жизни, ограбить. В горкоме по борьбе с безработицей был упаковщиком-грузчиком, райком комсомола доверил ему быть агентом финансового отдела.

Но голос рвался наружу. И презрев все советы, Соломон с утроенной энергией разучивал с мамой, горше сына страдавшей из-за отказа Энгель-Крона, новый репертуар. Результат превзошёл все ожидания: вскоре юного певца пригласили во Всеукраинский радиодвор – солистом первой категории! – и знаменитый Еврейский вокальный хоровой ансамбль ЕВОКАНС (Заслуженная капелла УССР) Егошуа Шейнина³. А потому с полным правом тогда же приняли в Рабис – всесоюзный профсоюз работников искусств; в архиве сохранился его членский билет № 320178.

Вдохновившись гастрольями «Синей блузы»⁴, юный деятель городского комитета по борьбе за чистоту организует – «по секрету от мамы»... – киевское подобие «живой музыкальной газеты» «Тачка»! «Выступления этого боевого органа комсомола, – писал он потом, – пользовались широкой известностью у коммунальщиков. Её любили и уважали за острый глаз, за злободневность, за умение найти и отметить всё хорошее, сатирически высмеять плохое». Вдохновлённые «идеями чистоты», энтузиасты песнями и плясками прославляли работников коммунального хозяйства. Были среди них и профессиональные актёры (один из них – отец известного российского кинематографиста Михаила Калика, газета «Еврейское слово», 2014 г., № 23). Руководимый комсомольским политруком Соломоном Хромченко – с ума сойти!.. – ансамбль даже приглашали выступать на республиканских военных маневрах и на украинский юго-восток агитировать донецких сверстников-комсомольцев идти работать в шахты.

---

³ Выпускник Петроградской консерватории по классу композиции, хоровой дирижёр и композитор, Заслуженный артист УССР, Заслуженный деятель искусств РСФСР. С 1929-го руководил созданным им ЕВОКАНС, на посвящённой ему картине Леонид Пастернак портретировал своих детей – Бориса, Жозефину, Лидию, Александра. С 1941-го руководил Ансамблем красноармейской песни и пляски Киевского Особого военного округа, дойдя с ним до Берлина, где коллектив был преобразован в ансамбль песни и пляски Группы советских войск в Германии, там при невыясненных обстоятельствах погиб. По случайному, конечно, совпадению, в том же 1945-м в Берлине умер и создатель-руководитель Краснознамённого ансамбля песни и пляски Советской армии, автор нового советского гимна Александр Александров.

⁴ Первая «живая газета» «Синяя блуза», одним из её идеологов был Осип Брик, зазвучала в Московском институте журналистики в 1923-м году, породив уйму последователей, выступавших с театральными по форме обозрениями-откликами на производственные, общественные и даже международные события. Коллективы были в основном самодеятельные, но и профессионалы участвовали: Владимир Маяковский и Сергей Юткевич, Василий Лебедев-Кумач и Семен Кирсанов, Матвей Блантер, братья Покрасс, а среди актёров засветились юные Владимир Зельдин, Михаил Жаров и др. «Синяя блуза» стала первым советским театром, выехавшим за рубеж, где у неё также возникло много последователей. Например, театр Бертольта Брехта, он сам это подчёркивал, и французская группа «Октябрь», в 1933-м году завоевавшая первый приз театральной Олимпиады в Москве и Ленинграде, в ней начал свой путь к славе Жак Превер. Однако к началу того же года начальство, перепуганное раскованностью и вольнодумством наших триумфаторов, прикрыло ансамбль по причине его... «нерентабельности».

Комсомольский организатор «Тачки»

Кто знает, сколько бы так продолжалось, если бы не несчастный случай. По замыслу «режиссёра» очередной эстрадный номер следовало завершить эффектным прыжком в зрительный зал. На последней репетиции исполнитель, зацепившись носком ботинка (размером много больше) за прибитую к краю сцены планку, упал, сломав два передних – «самых красивых» – зуба, к счастью их удалось спасти.

Зато когда рана зажила, он вновь пришёл к Энгель-Крону и с 1929-го года всё в его жизни подчинялось уже только заветной цели. Вначале занимался с профессором у него дома, затем в его классе в техникуме.

Требуя от ученика как можно бережнее относиться к своему голосовому аппарату – «деликатному механизму» и не нагружать ещё не окрепшие связки высокими нотами, Михаил Михайлович начинал с азов вокала, о которых мама с сыном знать не могли. Скрупулёзно учил правильно распеваться, петь гласные, по его указанию Соломон купил сборник вокализов Генриха Пановки, спел все и настолько ими проникся, что спустя десятилетия их пели уже его ученики, а свою первую как преподаватель вокала методическую разработку посвятил памяти киевского педагога.

Через два года именно вокализ Пановки и романс Балакирева-Лермонтова «Слышу ли голос твой» Соломон спел на приёмных экзаменах в институт, когда Энгель-Крон решил: что ж, думаю, пришло время рискнуть – подать заявление с просьбой принять тебя сразу на третий курс института,⁵ о чём втайне от младшего брата, чтобы одновременно завершить учёбу, просил профессора Наум.

В 1932 году братья Хромченко спели дипломные программы, после чего их как наиболее, надо полагать, перспективных выпускников курса (было ещё двое, но кто, я не знаю) направили стипендиатами Наркомата культуры в аспирантуру – тогда она называлась Школой высшего художественного мастерства – Московской консерватории.

Расставание с украинской столицей и заложившим фундамент их вокального мастерства педагогом, тогда уже старшим другом, было грустным. Они словно чувствовали, что кроме как на гастроли или в гости сюда уже не вернуться.

Впрочем, младший брат всё же «вернулся» – в нынешнем веке прозвучал архивными записями оперных арий, романсов и песен на канале «Культура» украинского радио в цикле «Голос из прошлого» в авторской программе Анны Боровицкой «Золотые голоса Украины». А также в лекции-концерте музыковеда Анны Ляковской «История жизни и творчества замечательного оперного певца Соломона Хромченко».

---

⁵ Невероятно, но, как говаривала моя коллега, факт фактический: в 1928-м киевские музыкальные власти запретили слово «консерватория» как «буржуазный пережиток», никакие ссылки на то, что в Москве оно не запрещено, их убедить не могли. Поэтому тогда киевской консерватории, основанной в 1913-м, как бы и не было – её факультеты передали институту (возвращены в материнское лоно в 1934-м с обретением имени Чайковского, отделившись от института театрального искусства имени Лысенко). По той же причине Иван Козловский в 1920-м, Пантелеймон Норцов в 1925-м, Бронислава Златогорова в 1926-м были студентами консерватории, а Константин Лаптев, Евгения Вербицкая, отец (ученики Энгель-Крона) и Наталья Шпиллер (ученица А. Шперлинг) в 30-е годы – института. С Лаптевым отец в 1943-м запишет на радио украинские дуэты, потом и пластинка вышла, с другими будет петь в Большом театре.

УКРАЇНСЬКА ДЕРЖАВНА ФІЛАРМОНІЯ
КОЛОННИЙ ЗАЛ

Заслужений артист РРФСР—соліст Великого театру СРСР

С. М. ХРОМЧЕНКО

(Тенор)

ПРОГРАМА:

1-й відділ:

- ЗАРЕМБА — Думка
ХРЕННИКОВ — Серенада
ПАЛІАШВІЛІ — Арія Малхаза з оп. „Даїсі“
ДЕЛИБ — Серенада
ДОНІЦЕТТІ — Арія Неморіно з оп. „Любовный напиток“
БІЗЕ — Арія Надіра з оп. „Искатели жемчуга“
РОССИНІ — Неаполітанська тарантела

2-й відділ:

- ГЛІНКА — Пісня баяна з оп. „Руслан і Людмила“
ГЛІНКА — „Я здесь, Инезилья“
ГЛІНКА — „Не искушай“
НАПРАВНИК — Речитатив і романс Дубровського з оп. „Дубровский“
ЧАЙКОВСЬКИЙ — „Первое свидание“
ЧАЙКОВСЬКИЙ — „Средь шумного бала“
ЧАЙКОВСЬКИЙ — „Серенада Дон Жуана“

Партію ф-но виконує **Н. ШУЛЬМАН**

Київ
11 січня
1948 року

Программа концерта

Два года подряд, в 1948-м и 1949-м, солист Большого театра заслуженный артист РСФСР С. М. Хромченко «отчитался» перед «малой родиной» сольными концертами в Колонном зале киевской филармонии.

Выпускники 1932-го: четвёртый внизу слева старший брат, во втором ряду справа брат младший

Афиша концерта, 1949 г.

Московская прелюдия

Столица ошеломила: можно ли здесь жить?! – воскликнул Соломон, выбравшись из переполненного трамвая, где у него незаметно срезали пуговицы с летнего пальто.

Оказалось, можно и даже замечательно, для чего надо было не ударить в грязь лицом перед приёмной комиссией: вступительный экзамен украинская квота на места в аспирантуре не отменяла. А входили в комиссию композитор Михаил Ипполитов-Иванов, профессор вокала Ксения Дорлиак, директор консерватории профессор Станислав Шацкий, от этих и других имён – Александр Гольденвейзер, Константин Игумнов... дух захватывало, зато, как спустя полвека вспоминал отец, «такому составу можно было, не задумываясь, доверить свою судьбу и любое решение принять как должное» (рукопись).

С. Т. Шацкий

Директором назначенный в феврале 1932-го – ему тогда было 54 года, Шацкий был не только администратором. В юности здесь же учился в классе сольного пения, неплохо пел. После мехмата и медицинского факультета университета решив стать педагогом, поступил в сельхозакадемию, был любим Климентом Тимирязевым. Вдохновлённый принципами яснополянской школы Льва Толстого, создал уникальную Первую опытную станцию (ужасное название) с яслями и детскими садами, начальными и средней школой, клубом-читальней и колонией «Бодрая жизнь». «Ничего подобного нет нигде в мире», отозвался о ней знаменитый американский педагог-реформатор Джон Дьюи. За два года директорства Станислава Теофиловича (скончался в декабре 1934-го) в консерватории открыли аспирантуру для студентов из

национальных республик, затем Школу высшего художественного мастерства – аспирантуру для исполнителей, а в мае 1933-го и оперную студию; спустя два года братья Хромченко спели на её сцене главные партии в дипломной «Богеме».

Звёзды, под которыми были рождены Соломон и Наум, благопритствовали им и в Москве: после успешного вступительного экзамена «милейший» Станислав Теофилович распорядился выдать «братьям-разбойникам» ключи от комнаты в консерваторском общежитии, куда они переехали от приютившего их в первые недели киевского знакомого. В комнате умещались четыре койки, стол и два стула, но и такая была царским подарком (тем более что через год вместила маму со мной...). Здесь мирно соседствовали иногородние студенты-аспиранты, иные с семьями, завязывались знакомства, приятельства и дружбы. Назову, кого запомнил по рассказам: скрипач Яков Зак, пианист Игорь Аптекарев, композитор Тихон Хренников, певцы Петр Медведев и Варвара Гагарина (будущие соседи по кооперативному дому).

Мама, папа и я в нежном возрасте

Время было голодное – на Украине и вовсе Голодомор, поэтому аспирант, обедая в консерваторской столовой, где к первому и второму блюду давали хлеб, его не съедал, а в конце недели пересылал с вагонным проводником семье в Киев. И спустя годы вспоминал Ипполитова-Иванова не столько как автора исполняемых им арий и романсов, сколько за «незаметно проявляемое добро»: «он часто вылавливал нас, голодных аспирантов, приводя к себе, он жил в здании консерватории, обедать, за его столом сживало по восемь-десять ртов, а то и больше».

Потому был счастлив, успев его отблагодарить. Накануне концерта в Малом зале консерватории к 50-летию творческой деятельности композитора – годом позже его не стало – заболел один из исполнителей, аспирант быстро выучил романс и арию из оперы «Оле из Норланда» (потом часто пел её в концертах, записал на грампластинку): «Когда я закончил под аплодисменты, Михаил Михайлович, сидевший в первом ряду, поднялся на сцену и меня обнял... можно ли такое забыть»?!

Дни после обретения крыши над головой делились надвое: с утра – консерваторские классы, вечером – спектакли и концерты, благо аспирантов снабжали поощрительными пропусками и дешёвыми билетами.

Где он только ни бывал!

Прежде всего, конечно же, в Большом театре, где успел слушать и сходящих – Антонину Нежданову, Надежду Обухову, Владимира Сливинского, Николая Озерова, и своих вскоре коллег – Валерию Барсову, Пантелеймона Норцова, Марка Рейзена, Ивана Козловского, Сергея Лемешева и Ивана Жадана.

И. Д. Жадан

Жадан в роли Владимира Дубровского (в опере «Дубровский» Э. Направника) и Индийского гостя (в опере «Садко» Н. Римского-Корсакова) (Музей ГАБТа)

Ещё один уроженец Украины (Луганска) Иван Данилович был ярчайшей среди теноров звездой, хотя в те годы певцов звездами не звали. На гастролях группы солистов театра в Турции им восхитился президент Ататюрк, одарив его именным золотым портсигаром. На гастролях в Риге Владимира Ленского спели – в одном спектакле! – Жадан («Я люблю вас, Ольга...»), Лемешев («В вашем доме...») и Козловский («Куда, куда вы удалились»...), первый вызвал несмолкаемые овации, руководство театра умолило его продлить гастроль Фаустом и Герцогом, костюмы по просьбе советского посла в Латвии срочно доставили самолётом, случай беспрецедентный. Он часто выступал в Кремле – приглашал Хозяин. Но «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев...». Перед войной И. Д. попал в опалу: выступая перед воинами-пограничниками на Дальнем Востоке, получил почётную грамоту из рук маршала В. Блюхера, там же на банкете провозгласил тост за защитников родины вместо обязательной здравицы Сталину, да ещё и в партию вступать отказался! В 1941-м, застряв на даче в захваченном гитлеровцами Подмоскowie (дачный посёлок Большого в Манихино), вместе с несколькими коллегами по театру предпочёл уйти на Запад, после чего его фамилия в Советском Союзе не упоминалась. Услышать голос Жадана и узнать о его послевоенной судьбе можно в Интернете, я лишь добавлю, что в 1992-м ему всё же удалось посетить родину и обнять сына.

Отдельная удача: в Малом зале консерватории Соломон был на последнем сольном концерте 75-летнего Леонида Собинова. Годом раньше юбиляр (кстати, у него был родной брат Сергей, также певец, для сцены Волгин) завершил оперную карьеру партией Ленского, в том спектакле Трике пел Иван Козловский, Зарецкого – Марк Рейзен, Ротного – Александр Пиров.

В Киеве проникать на симфонические концерты он мог редко, с деньгами на билеты было туго, теперь он навёрстывал упущённое на оркестровых вечерах Александра Орлова и Николая Голованова, Натана Рахлина и Василия Небольсина. Слушал и инструменталистов, вскоре лауреатов отечественных и зарубежных конкурсов: Якова Флиера и его тёзки Зака, Самуила Фурера, Герца Цомыка, Михаила Фихтенгольца: «для нас, провинциалов, – воспоминал отец, – это был нескончаемый праздник»⁶.

Живя в те годы в Москве, недопустимо было пропустить спектакли МХАТа с Аллой Тарасовой (Каренина) и Василием Качаловым (Барон, Тузенбах) и ГОСЭТ (Государственный еврейский театр), где зрителей, даже не знавших идиша, потрясали король Лир и его Шут – Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин. А ещё были Малый с Верой Пашенной и Александром Остужевым, Третья студия МХАТа с Цецилией Мансуровой и Юрием Завадским: «я стал их ярым поклонником».

---

⁶ Влюблённый в классику, он и впоследствии, когда выпадал свободный вечер, старался попасть на концерты отечественных музыкантов и зарубежных гастролёров, уже в преклонном возрасте стоя, не успев купить билет, терпя боль в коленях, в Большом зале консерватории упивался исполнением Владимира Горовица. (Запись концерта неоднократно транслируется на канале «Культура», и на втором ярусе среди зрителей я вижу аплодирующего отца). С ним и мне выпало слышать Бостонский симфонический оркестр с Шарлем Мюншем, в исполнении которого я даже советский гимн не сразу узнал, так он замечательно прозвучал, Исаака Стерна и многих, многих других.

**Василий Качалов с аспирантами консерватории: вверху первый слева
Наум Хромченко, во втором ряду второй слева Соломон Хромченко**

Но главным – непрерывным – праздником были уроки с Ксенией Дорлиак⁷ в классе сольного и с Анатолием Доливо камерного пения: выпускник московской консерватории, филармонический певец, замечательно читал произведения Пушкина, Достоевского, Петрарки, Рабле. Оба не отказались заниматься с Соломоном и после того, как его приняли в театр, а потому их, равно как и Энгель-Крона, он благодарно вспоминал: «они учили не только вокальному и исполнительскому мастерству, но и уму-разуму, выдержке, необходимому нам всем терпению».

На очередной урок аспирант принёс разучивать романсы Чайковского:

– Заглядывая в ноты, пою «Хотел бы в единое слово», затем «На нивы жёлтые», как вдруг Ксения Николаевна говорит: «Вот с ними и пойдёшь на конкурс». Я не придал её словам никакого значения, не переспросил даже, что за конкурс. На следующем уроке запел любимую мною тогда арию Йонтека из оперы Монюшко «Галька», я её пел на дипломе в киевском институте. Ксения Николаевна, дослушав до конца, сказала: «И эту арию споёшь на конкурсе, мы её включим в программу для исполнения в первом туре».

---

⁷ Выпускница Смольного института и Петербургской консерватории дебютировала в парижской «Гранд-Опера» в операх Вагнера: Елизавета («Тангейзер»), Элиза («Лоэнгрин»), Брунгильда («Валькирия»), удостоившись уникального ордена – Академической пальмы. После завершения оперной карьеры выступала с сольными концертами и с симфоническими оркестрами под управлением Глазунова, Самосуда, Клемперера, Онеггера. С 1930-го – профессор Московской консерватории, в 1932-34-м – декан вокального факультета. Среди её учеников, помимо дочери, Нины, камерной певицы, Яунзем и Янко, были солисты ГАБТ Киричек, Кругликова, Леонтьева, Талахадзе, Шумилова. Спустя полвека Янко и Хромченко рассказывали о своём педагоге на вечере её памяти

- Вы это серьёзно? Я ведь совершенно не готов!
- Ты абсолютно готов, надо только всё оставшееся время работать над программой.

Ксения Николаевна с аспирантами консерватории после дипломного спектакля «Богема»: слева от неё С. Хромченко (Рудольф), справа – Н. Хромченко (Марсель), стоят (слева направо) З. Ларченко, дирижёр П. Шпитальный и Н. Дорлиак

А уж если так «пойдёшь на конкугс» – она вкусно грассировала – сказала мудрая, требовательная и непререкаемая Ксения Николаевна, послушаться Соломон никак не мог.

В 1-м Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей (вокал, фортепиано, скрипка, виолончель) накануне 15-летия Октября участвовало более ста претендентов из Украины, Грузии, Армении, Азербайджана и РСФСР. Первый тур проходил в республиках, второй и третий в Москве, финалисты поделили первые три премии по каждой номинации⁸. Из вокалистов первую получили Елена Леонтьева, Ольга Кругликова, «погодки» класса Дорлиак, и Зоя Гайдай (Киев), третью – Муртаза Мамедов (Баку) и Соломон Хромченко (в последнем туре спел серенаду Смита из оперы Жоржа Бизе «Пертская красавица»).

В конкурсе участвовал и Наум, но во второй тур не прошёл: жюри решило, что у него не баритон, а тенор; как тенор он после окончания аспирантуры участвовал во втором таком

---

⁸ Спустя четыре года лауреаты-москвичи «отчитались» концертами, одобрительно отзывавшись о каждом, рецензент по каждому прошёлся замечаниями (газета «Музыка», 1937 г.). Позже отец выступил с сольным концертом в Доме учёных: на слух уже другого музыковеда, «с большим успехом... концерт показал, что певец сделал выводы из строгой критики выступления во время показа лауреатов, что С. Хромченко не останавливается в своём музыкально-художественном росте». («Вечерняя Москва», 1938 г.).

же конкурсе и вновь неудачно. На слух отца у него был всё же баритон красивого тембра с полнозвучными высокими нотами, и если б не жюри, его карьера могла сложиться иначе. Он был сценичен, прекрасно танцевал, и пусть не на оперной сцене – в оперетте мог быть среди первачей. Это я предположил до того, как в РГАЛИ увидел его, артиста московского театра, анкету. Но характер! в труппу зачисленный 1-го ноября 1935-го, через два месяца... «уволен за отказ от участия в спектакле 1-го января»: что-то пришлось не по нраву.

**Наум с его первой женой, моей любимой тёткой,
великолепной училкой английского, она и меня ему обучила**

Был солистом московской филармонии. Записал с джаз-оркестром Александра Цфасмана песню братьев Покрасс и Василия Лебедева-Кумача «Москва майская» («Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля»), с баритоном Юрием Юровецким – романс Рубинштейна-Лермонтова «Горные вершины», затем громокипящие «Бей барабан» (Никиты Богословского из фильма «Остров сокровищ»), «Чтобы пела страна» (Михаил Раухвенгер и Нина Саксонская). До войны гастролировал и неплохо зарабатывал, не нажив детей, баловал меня. На фронте нашёл новую жену, она в той же бригаде была аккордеонисткой. После войны бедствовал: преподавал вокал любителям в Доме учителя. Любил бильярд, был одним из лучших игроков Центрального Дома Работников Искусств. Юбилейный, к 60-летию, концерт в ЦДРИ завершил трюком: поднял над головой штангу, запел, и когда приятель-акробат сделал на штанге стойку, взял высокую ноту.

Наум на фронте (РГАЛИ)

Через полгода Ксения Николаевна вновь заявила Соломону: пойдёшь на конкурс в Большой театр. Отец опять за своё: там и без меня теноров более чем достаточно, что мне там делать?! Но она, низкий ей поклон, и в тот раз безапелляционно: пробьёшься!

...

Вновь три тура, около ста претендентов из оперных театров страны, первый тур – на местах, прошедших дальше извещали почтовыми открытками. Во втором и третьем туре все пели на сцене Филиала с оркестром театра, дирижировал Евгений Акулов, ассистент художественного руководителя ГАБТ Николая Голованова, а Николай Семёнович возглавлял приёмную комиссию.

Выпускник консерваторской аспирантуры спел каватину Фауста.
Из всех прошедших в финал певцов в театр приняли четверых.
С ноября 1934-го Соломон Хромченко – стажёр оперной труппы.

Дар небесный

В начале 1920-х в киевском фотоателье

В центре сидит, думаю, вдова прадеда Ханины, чей портрет держат слева мой дед, Матвей Хромченко и справа его, предположу, брат, имени не знаю. Внизу слева сидит Наум, с ним рядом сестра Соня; справа от вдовы Ханины – жена «безымянного» брата Матвея и их дочери, двоюродные сёстры отца. С такой шевелюрой я его никогда не видел – в юности ему даже покупали «поповский» гребень с редкими зубчиками. Комментарий к снимку моей троюродной племянницы Анны Грандель, правнучки Ушера Хромченко, ещё одного сына Ханины: ей бабушка рассказывала, что когда Соломон их навещал, перед тем, как снять шарф, просил закрыть форточку.

Счастье, сказал философ, категория не момента – всей жизни. В согласии с ним я утверждаю, что жизнь отца была счастливой, тем более что могла не раз прерваться. Из бочки с дождевой водой уже пускавшего пузыри малыша успел вытащить родной дядя. О погроме предупредили деда. В Одессе и Киеве юноша не разделил участь сограждан, погибших от тифа и голода.

Страх перед ним навсегда остался в его подсознании: когда в хрущевские времена начались перебои с хлебом, он запаниковал и отправился в булочную закупать сухари. В ответ на моё «Москве это не грозит», надулся: «К счастью, ты не знаешь, что значит голод»...

Не захлебнулся, не был зарезан погромщиками, не умер от голода. Не потому ли, что ему заповедано было петь в лучшем театре страны в ту его Золотую эпоху, когда интерес к

высокому искусству был всеобщим и повсеместным. Не просто петь – всего себя настроить на служение дарованному голосу.

Случилось ли ему пережить мгновение узнавания высшей, в детстве дважды нашёптанной тайны или он пел, как птица летает, потому что иного не дано, я не знаю, слова «дар» от него никогда не слышал. (Разве что мог о нём подумать семидесятипятилетним пенсионером, читая в газете «Советская культура» статью Козловского «Дар редкий и прекрасный», к 80-летию Ивана Семеновича «ответив» статьёй в «Московской правде» с таким же названием).

Но все свои певческие десятилетия прожил так, как если бы однажды осенило.

Долгожителей в его роду не было, но и жаловаться на здоровье наследник не мог. Поэтому заботился о нём лишь как певец. Даже в ненастную погоду любил, закрыв горло шарфом, молча гулять рядом с домом по тихим переулкам, в отпуск уезжал на климатически полезное для певца крымское побережье: заплывал подальше от берега и полоскал горло чистой морской водой (кто-то посоветовал).

В саду дачи Туполева

Слева направо: виолончелист Борис Реентович, неизменный многие годы директор касс ГАБТа Михаил Лахман – он умел на торжественных собраниях, спектаклях, концертах так рассадить партийно-правительственную номенклатуру, что все были довольны, потому его, уже еле ноги волочившего, до последних дней не отпускали на пенсию, – и отец. На фото нет Ивана Петрова, совместившего «обслуживание» пионеров со свадебным путешествием, с чем его все поздравляли: в это время игрок команды мастеров «Локомотива» (до поступления в театр) царил на волейбольной площадке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.